

Мартиша Риш

ВЕДЬМИНО СЧАСТЬЕ

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Р57

Р57 **Риш М.**
Ведьино счастье / Мартиша Риш – М.: Литнет, 2026. – 374 с.

ISBN 978-5-524-00755-1

Весна, отпуск, большая премия и оклад греют душу и карту. Любовник - красивый богатый норвежец. Он все испортил. Сделал мне предложение, хочет познакомить с мамой, увезти в Норвегию. С перепугу я решила сбежать! Чем дальше, тем лучше. А раз уж подвернулся старинный особняк за три копейки, то надо брать. А там разберемся!

А особняк-то с сюрпризом оказался! Из спальни лестница минуя балкон спускается к красивому пруду. Только, когда я обхожу дом вокруг, пруда нет... А ещё оказалось, что все мои желания сбываются. Зачем-то мне подарили двух рабов. Но это все потом. Пока надо что-то решать с новым женихом и лошадью.

#Юмор, #перипетии, #любовь, #приключения, #ведьма, #маги, #эльфы, #магия, #магические миры, #попаданцы, #от ненависти до любви, #попаданка, #фамильяр

#главная_героиня_истории_женщина

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00755-1

© Литнет, 2026
© М. Риш, 2026

Пролог

В уютном солнечном кабинете Король внимательно вчитывался в текст старого свитка. Это было пророчество, записанное в один из первых годов отчаяния, что охватило Королевство, когда бесследно исчезла хозяйка Портального дома. Двери, открывающиеся по ее воле в иные миры, захлопнулись. Магические потоки Королевства начали ослабевать, ввергая зависящих от них магов в пучину безысходности. Торговля с Империей, что располагалась в одном из соседних миров, угасала, нанося тем самым огромные убытки казне. Только Портальный дом давал этим двум мирам, расположенным по соседству, беспрепятственно за скромную плату, проводить любые грузы из мира в мир. Прежняя хозяйка пропала в своем родном мире Земля, уйдя за мужем в неизвестность.

Этот год должен стать счастливым для обоих миров и всех населяющих их жителей. Будь то люди, эльфы, гномы или кто-то иной... Все ждали, обещанную пророчеством новую хозяйку Портального дома – ведьму Марцеллу.

Глава 1

Шел месяц май года две тысячи двадцатого. В городе бушевала эпидемия. Проект был завершён, можно было выспаться, но утро не задалось. Все мечты о сладких снах разбил своим громким звуком звонок соседки в мою дверь.

Элоиза Викторовна, так звали соседку, являла собой самую элегантность, обворожительность, редкий шарм. Сколько ей лет? Столько не живут. Даже призраки. Она застала всё и всех, за ней ухаживали великие мира сего. И я в это верю. Такую женщину не мог испортить ни один изъян, свойственный людям её возраста. Голос был глубоким, низким и чарующим, взгляд острым, а вещи изящными, даже те, которые, судя по стилю, были родом из конца сороковых. Тонкие сигареты, вложенные в старинный мундштук явно штучной работы, изысканный, чувственный аромат табака, духи, обещающие редкую тайну, были ее постоянными спутниками. Идеальная фигура, стройные ноги, вложенные в домашние туфли на небольшом каблуке. Ей можно было простить многое. Прекрасный собеседник и наглядный урок того, как должна выглядеть женщина. Всегда и везде. В любом возрасте. В ее компании в свои неполных тридцать лет я чувствовала себя немного неуютно, как цветок, который не умеет распуститься.

Элоизе Викторовне нужно было цитрусовое дерево, редкое дерево. Мне же оно было не нужно вовсе. Его подарил мой, со вчерашнего дня бывший, любовник. Соседка еще дней десять назад заметила у меня на балконе этот чудный без малого метровый экспонат какой-то европейской садоводческой выставки. Она прочитала мне небольшую лекцию о том, как плохо я влияю на бедное растение, а точнее, как плохо влияет на него моё незнание элементарных правил ухода за таким прекрасным экземпляром флоры. У неё когда-то было точно такое, подаренное ей не то вторым, не то третьим мужем, которое он лично привез из Алжира. Кажется, он был послем.

Вторую неделю я обещала подарить ей этот чертов «апельсин» как только завершу проект и буду дома во сколько-нибудь приличное время. Сегодня этот день настал, я пообещала занести дерево сразу после обеда. Раздался пушечный выстрел, ему двенадцать раз подряд ответила кукушка из настенных часов. Пробило полдень.

Моя квартирка расположена в самом центре едва ли не самого мокрого города нашей великой Родины – Питера. Ну как, квартир-ка. Когда-то давно в этом доме располагались огромные апартаменты элиты дореволюционного общества. Случилась революция, квартиры разделили на коммуналки. Случились девяностые, коммуналки расселили и сделали из них вновь огромные квартиры. Это были не просто квартиры, а настоящие предметы роскоши, восхваляющие новых владельцев каждым старинным элементом лепнины, каждой чугунной завитушкой, витражом, чудом уцелевшим в годы пожара революции, в годы страшной блокады. Пыль и память былых веков, воплощённая в старом почерневшем камне, цветном стекле, металле, больше похожем на тонкие кружева.

Моя и две соседские квартиры были архитектурным Франкенштейном. Они находились во втором дворе на третьем этаже двухэтажного дома. Даже не бывшая дворницкая, нет. Комнаты прислуги, отделенные от основной квартиры глухой капитальной стеной, возведенной в сорок седьмом году, когда восстанавливали дом после прямого попадания авиационного снаряда в соседний. Строителям нужна была более надежная стена взамен частично разрушенной. Память о людях из соседнего, разбомбленного полностью дома, так и лежала небольшой грудой бесхозных кирпичей во дворе. Глухая стена давала нам не столько неудобства, сколько некоторые преимущества. Благодаря тому, что она отсекала от лестницы основного дома нашу, мы имели огромный балкон-крышу-террасу, поделенный легкими стальными заборчиками на три равные части по числу квартир.

Почти таунхаус, если бы не размер квартиры, она была крошечной.

Эту квартиру я приобрела года два назад и за совершенно смешные деньги. Что-то похожее на студию в современном ее понимании, но с четырёхметровыми потолками, камином, который даже работал, и огромным балконом, на нём и красовалось мое чудесное апельсиновое дерево. Оно манило соседку, напоминало о старинном романе, давало тень двум залетным голубям и жутко меня нервировало.

Вторым соседом был старый татарин, самый коренной петербуржец, какого я встречала. Глубоко верующий мусульманин, востоковед, художник. Его предка привезли сюда по указу Петра, предок был дворником. Сосед тоже мог стать потомственным дворником, если бы не поступил с первого раза в самое престижное художественное училище нашего культурного города – Мухинское – практически без подготовки, на спор.

Главным минусом моей очаровательно крошечной квартиры кроме ее размеров, была пушка. Самая настоящая большая пушка. Украшая собой стену старинной Петропавловской крепости, она громогласно стреляла. Каждый день. Ровно в полдень. В довершение этого из настенных часов, которые достались мне вместе с квартирой, с милым вкрадчивым «Ку-ку» вылетала кукушка. Ровно двенадцать раз, видимо, чтобы добить наверняка. Или не очень тонко намекнуть, что вставать все же стоит до полудня. Даже если ты программист, даже если завершен крупный проект, случился внезапный отпуск, получена оплата и премия сверху. Часы выкинуть рука не поднималась, приходилось терпеть.

После покупки я не стала многого менять в квартирке. Дубовый паркет советских времен мне отциклевали и покрыли тёмной морилкой рабочие одной из стран Средней Азии. Таким пол был везде за исключением ванной и туалета. Там пришлось все же поменять плитку, но не сантехнику. Плитка пола в ванной комнате, согласно моему оригинальному вкусу, стала тёмно-синей. Стены же везде были светло-бежевыми, почти белыми, мебель – тёмно-коричне-

вой, цвета чуть подтопленного горького шоколада. Большая часть мебели, антикварная, которой в принципе в квартиру помещалось не так много, досталась от прежних хозяев. В прихожей – огромный платяной шкаф с резьбой и шишечками, в нём при желании можно было, как мне кажется, организовать небольшую гостевую спальню. Ванная была, вероятно, ровесницей дома. Крошечная, сидячая ванна возвышалась на львиных лапах. Мастер, нанятый мной чтобы покрыть ее новым слоем эмали, когда увидел, смеялся до слез, Ему таких еще не встречалось. Он назвал ее карликовой ванной на гордых львиных лапках. Фи.

Люсинда частенько дремала наверху шкафа, там было ее логово. Мерное сопение вводило в заблуждение, кошка казалась абсолютно безмятежной. На самом же деле она трепетно ждала, когда я сяду завтракать, практически охотилась. Люсинда обожала любые съестные припасы.

Истинная петербургская полосатая помоечная кошка теперь уже повышенной упитанности, она выбрала меня в хозяйки прошлым летом. Откуда зверюшка взялась, никто не знает до сих пор. Я нашла её на лестничной площадке перед своей дверью одним из вечеров конца лета. Тогда, засидевшись за книгой допоздна, я услышала странный шорох, как будто кто-то вскрывал замок и дёргал ручку. Насторожившись, и схватив метлу, я выскочила на площадку. А там она – Люсинда – методично точила когти о мою обшарпанную дверь. Дверь – это, конечно, лицо квартиры, то, что первым бросается в глаза. Свою я облагораживать не спешила, она явно пережила не одно поколение владельцев. Крепкая, деревянная, усиленная стальной решеткой изнутри, дверь производила довольно жалкое впечатление снаружи и наталкивала на не самые приятные мысли о достатке владельца квартиры. Одним своим видом она отваживала потенциальных воров от моего дома, за что я и ценила этот шедевр.

Кошку тогда я забрала к себе, думала, что объявятся ее хозяе-

ва. Но, увы. А на самом деле к счастью. Ласковая, но ненавязчивая, красивая первозданной дикой красотой, она носила изумительную полосатую шубку, гладкую, лоснящуюся. Подушечки лап у нее полностью черные, нос красно-кирпичный с красивым тонким чёрным ободком как будто обведенным фломастером. Пузо и вовсе рыжеватое. Мы идеально сочетаемся по характеру. Ненавязчивые в своей привязанности друг к другу, мы обе нежно любим рыбу и молоко во всех проявлениях, тепло и уют нашей квартиры. Ни разу за этот без малого год кошка не попыталась выскользнуть из квартиры на лестницу или убежать с балкона. Она даже не заходила к соседям, хотя для нее это не составило бы труда.

За окном была типичная весенняя хмарь. Моросил противный дождь, небо было затянуто серыми тучами, свинцовое, оно нависало над городом, отражаясь в темных водах родной Невы. Дышать было практически нечем. С каждым глотком воздуха в легкие попадала вода с разбавленной в ней пылью. На душе становилось сумрачно и тоскливо. Надо было срочно себя чем-то порадовать, чтобы хмарь не залезла в самую душу и мысли.

Вариантов было не слишком много. Границы нашей огромной Родины были закрыты, и виной тому была пандемия. Хотелось чего-то большого и светлого. А еще – буйной летней зелени и солнца. Много-много яркого солнца в противовес тому, что было за окном. Нужно было срочно найти способ развеяться. Съездить куда-то или купить что-то, что принесет радость. Я начала лихорадочно думать. Открыла крышку ноутбука, загрузила браузер, нашла сайт объявлений и начала листать заглавную его страницу, куда выводились случайные объявления из разных категорий по всей России. Внезапно выползло объявление о продаже дома. Нет, не так.

Продавали целый купеческий особняк, роскошный в величии своего прошлого.

Глава 2

*** *Марцелла*

С виду, особняк был неказист, явно требовал ремонта и хозяйской руки. Но крыша была на месте и окна целы. Вокруг росли какие-то плодовые деревья. Цена была смешной, и находился он в глухой провинции на юге Воронежской области. Двадцать километров до небольшого города, который, как я помню, кажется, тоже основал Петр Великий. Внутренний голос вещал, что там теееепло, солнечно, лес красивый, а значит, грибы, ягоды и парное молоко в ближайшей деревне. Я почти влюбилась в этот дом. Он выглядел большим и надежным, даже несмотря на то, что казался абсолютно неухоженным. Как памятник самому себе в годы своей имперской юности.

Построенный в стиле классицизма, дом был прямоугольным в сечении. Башня сбоку него, правда, больше напоминала скворечник или бывшую голубятню. На вершине красовался небольшой шпиль и флюгер на нем. Форму флюгера было сложно угадать по фото. Участок оказался огромным – почти пятьдесят соток в собственности, правда, заросших травой и одичавшими яблонями, грушами и вишней. По цене все это великолепие былой эпохи соответствовало небольшому отпуску, который я мечтала провести в одной из европейских стран. Заграничный отпуск в этом году явно накрылся. М-да. А вот деньги и свободное для отпуска время были.

Шеф выдал гениальное в своей простоте решение. В силу пандемии он резко озаботился здоровьем сотрудников фирмы. Я предполагаю, он просто испугался, что если пара-тройка программистов внезапно содохнет, то и фирма может содохнуть следом. Специалистов именно нашего узкого профиля в городе было не слишком много, и в очереди на бирже труда они явно не стояли. Поэтому шеф решил сократить риски и расходы. Он прекратил аренду помещения, где трудилась

большая часть сотрудников фирмы, оставив только представительскую часть офиса. Нас же распустили по домам. И действительно, что нужно программисту, кроме крыши над головой, родного ноутбука и кофе. Тем более, что к моменту принятия им решения, крупный проект был в аккурат завершен, премии розданы, зарплаты выплачены. До начала следующего проекта оставались недели.

Пока маркетологи делали свою часть работы, наше программистское участие не требовалось. Впервые я была согласна с решением нашего драгоценного Евгения Борисовича. Из дома в любом случае лично мне работать много проще.

Возможно, я бы так и медитировала над этим предложением о продаже дома, точнее целого поместья. Но тут в телефон поскреблась смс-ка.

Нашарив телефон в кармане халата, я открыла сообщение. Это было послание от бывшего любовника, которого я бросила только вчера. Он был поистине хорош и, если бы не последняя его выходка, мы бы так и встречались. Красивый натуральный блондин, норвежец по происхождению, обладатель роскошной машины, прекрасных манер и значительного счета в банке, он был безмерно педантичен. Идеальный в любовных отношениях и крайне требовательный к упорядоченности в быту. Красавец Олаф как-то там.

Как оказалось, он посчитал меня практически идеальной парой для своей размеренной европейской жизни. Будущей матерью своих наследников. И вчера за обедом в ресторане он объявил мне о планах на нашу с ним совместную жизнь. В нее входила свадьба не позднее середины июня этого года. Наследник не ранее чем через год и не позднее, чем через два.

Любезно он перечислил мне мои обязанности будущей хозяйки дома. Практически он предоставил расписание моей жизни до гробовой доски. Вплоть до того, какие платья я должна буду носить. Любимые джинсы я должна была исключить из гардероба, а кошку из совместной жизни. Я отказала. Брак никогда не был для меня